

по поводу того, что он всё же «убил человека» [там же, с. 292], – этому Лопатину безумно сложно говорить обо всём этом непосредственно. Однако и не говорить об этом он тоже не может, и поэтому, видимо, и в этом случае едва ли не единственным способом разрешить данное противоречие становится формальная смена нарративной стратегии, позволяющей создать иллюзию того, что «Я-участник» якобы стал «Я-свидетелем».

Таким образом, рассмотренная нами выше специфика такой нарративной стратегии, в основе которой лежит концепт «Я-свидетель» позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, такая стратегия является достаточно эффективным способом дистанцирования, остранения нарратора от непосредственного, прежде всего, чрезмерно эмоционального участия в описываемых событиях. Во-вторых, такая стратегия делает более убедительным и менее искусственным включение в текст произведения философской, в том числе и онтологической, проблематики. И, наконец, в-третьих, такая стратегия, кроме всего прочего, создаёт предпосылки для возникновения пресловутого многоголосия, характерного уже не столько для рассказов или даже повестей, сколько для романа.

Последний вывод, на первый взгляд, может показаться несколько неожиданным, однако мы исходим из того, что результаты предложенного нами выше нарратологического анализа произведений В. М. Гаршина целиком соответствуют положениям Валерия Тюпы. В частности, этот учёный полагает, что «с максимальной полнотой референтная компетенция <...> проявляет себя в классическом романе реалистической парадигмы, где «образ становящегося человека» с его уникальным жизненным опытом (референтная компетенция малой биографической формы – рассказа) выводится в «просторную сферу исторического бытия», и где демонстрируется, как формулирует Н. Д. Тамарченко, «историческое становление мира в герое и через героя» [4, с. 11].

Иначе говоря, стремление Гаршина к художественному проникновению в глубинные пласты психологии своих героев, в том числе и с помощью использования разнообразных нарративных стратегий, а также его обращение к философской проблематике со всей очевидностью свидетельствует о его авторских «амбициях», направленных на эволюцию (доминирующего для его творчества) жанра рассказа через жанр повести к жанру романа. По крайней мере, протороманный характер рассмотренных нами произведений писателя не вызывают у нас никаких сомнений.

Источники и литература

1. Гаршин В. М. Избранное / Сост. и прим. И. И. Подольской. – М.: Правда, 1985. – 416 с.
2. Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры. В 2-х томах / Перевод с франц. Е. Васильевой и др. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – Т. 2. – 472 с.
3. Наративні виміри літератури. Матеріали міжнародної конференції з наратології. Тернопіль, Україна, 23–24 жовтня 2003 р. / Упорядник І. В. Папуша // *Studia Methodologica*. Вип. 16. – Тернопіль: Редакційно-видавничий відділ ТНПУ, 2005. – 330 с.
4. Тюпа В. Очерк современной нарратологии // *Критика и семиотика*. – 2002. – Вып. 5. – С. 5–31.
5. Friedman N. Form and meaning in Fiction. – Athens, 1975. – 420 p.

Панова З.С.

ОТРАЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖЕНГИЗА ДАГДЖИ

Актуальность проблемы. В крымскотатарской литературе за последние десятилетия открываются новые страницы из культурной и духовной жизни нашего народа, извлекая из небытия целые пласты из творчества писателей, обреченных прежним режимом на полное забвение. Процесс национального возрождения отражен в современной литературе появлением новой тематики и новых имен в художественной литературе. Этот позитивный процесс несколько приглушил внимание исследователей истории крымскотатарской литературы. На сегодняшний день сложилась ситуация, что в тени оказалась литература крымскотатарского зарубежья, чему в немалой степени способствовало и то, что произведения писателей крымскотатарской диаспоры не столь часто появляются на страницах нашей печати. Литература крымскотатарского зарубежья – достояние не только крымскотатарской, но и общекрымской, общеукраинской культуры. Заметным явлением в литературе крымскотатарского зарубежья второй половины XX в. является творчество известного писателя Дженгиза Дагджи, автора более чем 20 прозаических книг, написанных на современном турецком языке. Родился он в 1920 г. в Гурзуфе, с 1946 г. по сей день живет в Лондоне.

Степень изученности материала. Крымскотатарский читатель только недавно получил возможность читать его произведения на родном языке в переводах Юнуса Кандымова. Русскоязычному читателю творчество Дженгиза Дагджи почти не знакомо – на страницах периодической печати Крыма в переводах д.ф.н., профессора, действительного члена Крымской академии наук Адиле Эмировой публиковались фрагменты его пятитомного дневника «Yansilar» («Отражения»). Ее статья «Феномен Дженгиза Дагджи» о творчестве писателя (на русском языке) на сегодняшний день является единственным специальным источником для изучения творчества в школе и вузе.

Целью исследование является изучение на основе материалов, которыми мы располагаем в настоящее время, той исторической эпохи, что нашла свое отражение в произведениях Дженгиза Дагджи.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие *задачи*: собрать и систематизировать

имеющийся в настоящее время у нас на руках литературно–художественные произведения Дженгиза Дагджи, выявить насколько близки между собой в этих произведениях автор и его литературный герой, определить основные направления в творчестве писателя.

Произведения Дж. Дагджи, какими бы разными они ни были и какой бы значительный отрезок времени ни разделял их («Годы страха» 1956 г. и «Дженгиз Джагджи в воспоминаниях» 1998 г.), объединяет особый авторский стиль письма. Сложно проследить пути развития его манеры изложения, и, если просматривать его недатированное произведение, а зачастую именно в таком виде они доходят до нас, то самому определиться во времени написания достаточно сложно. Неторопливое, детальное изложение, в основе которого не происходящее событие, а размышления по поводу этого события, единая тема, пронизавшая всю его пятидесятилетнюю творческую деятельность, остаются в его романах неизменными.

По воспоминаниям самого автора, его «юношеское увлечение поэзией сыграло значительную роль в моем творчестве»¹. В них проявилась и одна из особенностей авторского самовыражения: «В тех стихотворениях, насколько позволяли условия того времени, как и в моих романах обнаруживалось что–то таинственное и сверхъестественное»². Одно из них «Сёйлениз, дуварлар» («Расскажите, стены»), написано после посещения ханского дворца в Бахчисарае. Пропитанный духом Гераев, ханский дворец до сих пор хранит в себе вековые мистические тайны. Пройдя через дворцовые ворота и осматривая находящийся в середине просторного двора мраморный бассейн в форме силуэта Крыма, в его кристально чистых водах юный поэт увидел свое отражение; он услышал призыв к утренней молитве, который доносился из дворцовой мечети с двумя минаретами. Однако двери в мечеть были закрыты. Бассейн давно высох. Дворец был безжизнен. Безмолвен. Без ночей. Без дней. Дворец был мертв. Но почему? Все знали причину его смерти. Следовательно, спрашивать надо не *почему*, а *как*. Как?

Но никто не услышал вопроса, никто не ответил на него.

Вернувшись из Бахчисарая в Акмесджит с чувством, что жизнь теперь наполнилась новым смыслом, начинающий поэт отнес в редакцию литературного журнала стихотворение «Говорите, стены». Не только внутренний карман его пальто, но и его голова, его сердце были полны стихами. По мнению юноши, издатели должны были увидеть это в стихотворении «Говорите, стены». Не увидеть этого они просто не могли.

Редактор встретил молодого человека с улыбкой, поднялся из-за стола, пожал ему руку, предложил сесть, прочитал довольно длинное стихотворение и задумался, однако опубликовать стихотворение отказался, сославшись на некоторые детали. Однако стихотворение в журнале появилось, только в измененном до неузнаваемости виде. Были изменены не только слова – «весь дух стихотворения стал другим, более того, оно приобрело какой-то безжизненный вид. По-видимому, там решили, что по молодости лет я не способен понять не только молчания стен ханского дворца, но и смысла нашего времени»³.

В молодежном журнале «Яш кьувет», органе Союза крымскотатарских писателей, были опубликованы его первые стихи «Говорите, стены», «Горы», «Любимая Ялта», «Туман». Он участвовал в годичных собраниях этого союза. На одном из таких заседаний на него был обрушен шквал сокрушительной для него критики: «Этот молодой поэт далек от нас, он нам чужой; его не интересует советский человек, строящий социализм...»⁴. Сейчас для нас пустословие этих обвинений нелепо, но в то время, даже несмотря на моральную поддержку тоже тогда еще молодого поэта Э. Шемьи-заде, это было пережито им очень драматически, определив в дальнейшем и его профессиональный выбор. В те годы самым популярным факультетом при крымском пединституте был филологический факультет, а им предпочтение было дано историческому: «Может, потому, что стихи мои были слабые, невыразительные, примитивные? А может, потому, что не имел знаний в области поэтики и таланта, и знал, что никогда не достигну художественного уровня тех стихов, что мне довелось читать. Скорее, все вместе»⁵. Вдобавок, последней каплей в этом же ряду были и «сжегшие мое поэтическое сердце (сколько бы его ни было) слова поэта Джавтобели: «Дженгиз, не пиши ты стихов – пиши роман»⁶.

Стихи Дж. Дагджи после этого так и не писал. Но увлечение поэзией сыграло значительную роль в его последующем богатейшем творчестве – из-под его пера вышло около двадцати романов. Но, как заметил автор, «я не преувеличу, если скажу, что подсознательно я начал сочинять свои романы, еще учась в 13–ой средней школе Акмесджита»⁷.

Вот часть из них:

1956 г. «Годы страха»;

«Человек, потерявший родину»;

«Они тоже были людьми»;

¹ Дж. Дагджи в воспоминаниях. Пер. Эмировой А. Из сб. Эмировой А. Крым – любовь и боль моя. Симферополь: Крымучпедгиз. – 2000. – С. 124.

² Там же

³ Там же. С. 126

⁴ Дж. Дагджи. Отражения. Пер. Эмировой А. Из сб. Эмировой А. Крым – любовь и боль моя. – Симферополь: Крымучпедгиз. – 2000. – С. 66.

⁵ Там же. – С. 79.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 124.

1969 г. «Юный Темучин» (В становлении русского народа существенную роль сыграли сначала нашествие монголов на Запад, затем татарское владычество. Без изучения истории монголов и Золотой орды невозможно познать историю России и сформированный ею русский характер)

«Эти земли были нашими»

«Куклы, подвешенные на ветке миндаля»;

«Письма матери»;

«Отражения» – роман в 5 т.

«Мы вместе прошли этот путь»;

1998 г. Дженгиз Дагджи в воспоминаниях. (Пером самого писателя)

О чем эти книги? Основной темой творчества писателя вот уже шестьдесят лет является Крым. Крым и крымские татары... Молчат поэты, молчат историки, молчат партийные лидеры, академики, профсоюзные деятели. Как будто ничего не случилось с Крымом и крымскими татарами... Все молчат, только я...»⁸

Вернуться на родину самостоятельно в пределах своей жизни он не мог, других же путей не было. Он мог вернуться только мысленно, или в сновидениях. И он возвращался. Очень часто. «В течение шестидесяти лет не было ни одного дня, ни одной ночи, чтобы я не возвращался в те места, в которых я родился и вырос»⁹. Но, все же, эти посещения не были вымышленными, они не были оторванными от действительности. Потому что «там оставались возведенные тысячелетия назад руками наших предков города и села; там оставались наши побеленные известью, крытые красной черепицей дома... там оставались деревья и пни садов и виноградников, посаженных руками наших прадедов. Души наших людей никогда не покидали этих домов и садов. Они могли наблюдать за каждым моим возвращением туда»¹⁰.

Почти во всех его романах – Крым. Его неизбывная душевная боль. «Утешаю себя мыслью, что со временем смогу проявить себя в другой сфере, и в других условиях обрести душевное равновесие и успокоение. Разве без Крыма я не смогу написать какое-нибудь произведение? Я ведь уже написал «Дни смерти и страха», «Юный Темучин», «Кто-то, похожий на меня»¹¹. Писатель, по его высказываниям, неделями охватывала скорбная пустота, он впадал в панику, когда думал, что ему больше, чем о Крыме, не о чем писать.

После того, как в издательство была отправлена рукопись очередного романа, он приступил к написанию английской повести «Собака господина Маркуса Буртона». «Однако я ошибался, думая, что в этой повести я смогу обрести себя... Английская повесть не принесла мне успокоения. Себя, настоящего себя, я не находил в ней»¹².

Как же и в чем он мог бы найти себя? – «В будущее я не мог заглядывать. В моем возрасте нет смысла заглядывать вперед... я мог смотреть только назад. Ведь оглядываться назад вовсе не значит отрываться от жизни в особенности это справедливо по отношению к крымским татарам: в их сегодняшнем положении оглядываться назад прежде всего значит думать о будущем и предвидеть его»¹³

В романах Дж. Дагджи сам автор и художественный образ настолько слиты воедино, что само по себе складывается мнение об их автобиографичности. Это мнение усиливает и работа турецкого автора Я. Караосманоглу «Безыманный народ», в которой он писал, что Садык Туран, герой его раннего романа «Korkunc uyllar» («Годы страха»), есть не кто иной, как автор романа. Позже и другие написали то же самое. Подобное ошибочное уравнивание коснулось и других более поздних произведений. Так, один из руководителей издательства Ötüken спросил после того, как ознакомился с романом «Мы вместе прошли этот путь»: «Дженгиз бей, в книге описана Ваша жизнь?»

Автор замечает, что отождествление его романов и его биографии огорчает его. Тем не менее, романы его построены на основе реальных фактов. «Однако это не было самоцелью; в процессе работы над романом я (не скажу – думал) как бы чувствовал, что эти факты выйдут за рамки романа, распространятся на факты жизни других людей и сольются с ними»¹⁴. Не отрицая того факта, что во всех его произведениях, действительно использован опыт его жизни, автор объясняет: «Все, что я увидел, узнал, прочувствовал, преломившись сквозь художественную призму, воплотилось в моих произведениях. Однако это не значит, что в романах отразилась история моей личной жизни»¹⁵. По-своему интерпретируя высказывание Г.Флобера: «Мадам Бовари – это я», Дж. Дагджи убежден, что это заявление лишь «в широком смысле говорит только о близости героя автору и более ни о чем»¹⁶.

Из беспокойства о том, что в переплетении реальности и фантазии он так и останется для читателей или Садыком Тураном из романа «Годы страха», или Исмаилом Тавлы из романа «Мы вместе прошли этот путь», с целью представить себя читателю, написано на этот раз автобиографическое произведение «Natrıralarda Cengiz Dağcı (yazarın kendi kaleminden)» – «Дженгиз Дагджи в воспоминаниях (Пером самого

⁸ Там же.-С. 74

⁹ Там же.-С 94

¹⁰ Там же

¹¹ Там же.-С. 91

¹² Там же.

¹³ Дж. Дагджи в воспоминаниях. Пер. Эмировой А. Из сб. Эмировой А. Крым – любовь и боль моя. Симферополь: Крымучпедгиз. – 2000. – С. 91.

¹⁴ Дж. Дагджи в воспоминаниях. Пер. Эмировой А. Из сб. Эмировой А. Крым – любовь и боль моя. Симферополь: Крымучпедгиз. – 2000. – С. 93

¹⁵ Там же. С. 90.

¹⁶ Там же.

писателя)»¹⁷. По словам автора это «не художественное произведение; это попытка еще раз окинуть взором свой жизненный путь с *ознакомительно-разъяснительной* целью»¹⁸.

Жизнь, мысли, переживания писателя, прошлое и настоящее свободно переплелись в единое повествование. По мнению автора, несмотря на все его старания опираться только на реальные события, характер отображения и стиль изложения сделали «Воспоминания» похожими на роман. Видимо, это привычка, признается автор, ведь в течение долгих лет он привык преподносить свои размышления в жанре романа.

Боль по родной земле в его воспоминаниях сменяется гордостью за свой народ, что он выжил, несмотря на свою малочисленность и безжалостность противостоявшей им силы. «Вернувшиеся сегодня на родину после пятидесятилетней ссылки татары доказали всему миру: как без Крыма не бывает крымских татар, так и без крымских татар не может быть Крыма»¹⁹.

Писатель понимает, что за пятьдесят лет демографическая ситуация в Крыму изменилась. Сегодня в Крыму проживает около 300 тысяч крымских татар, возвратившихся без чьей-либо помощи, только благодаря своей инициативе и самоотверженности. В перспективе примерно столько же вернется в предстоящие годы. И, хотя автор часто сетует о том, что он не может загадывать о будущем, его удел только в том, чтобы оглядываться назад, в «Воспоминаниях» нередко встречаются рассуждения о будущем устройстве Крыма. В то время, когда в вопросе межнациональных отношений здесь нередко накаляются страсти то от неслыханной несправедливости, то от разгула неприкрытого шовинизма, для всех нас, ныне живущих в Крыму, наставление автора звучит порой неожиданно:

«Русские, хотя бы они этого или не хотят, вынуждены делить Крым с крымскими татарами; крымские татары тоже будут жить вместе с русскими. Только бы они признавали существование друг друга, уважали бы язык, веру, культуру и обычаи друг друга»²⁰.

Несмотря на трагические страницы нашей истории, именно Дж. Дагджи предложена такая модель межнациональных отношений, в которой выясняется не «кто кого», а гармонизация взаимоотношений и тех, и других. Пора уже понять, что «организованно или стихийно, но крымские татары вернутся в Крым. Однако с возвращением в Крым все их проблемы сразу не решатся. Потому что не только крымская земля была отнята у татар – уничтожена свойственная им культура, которая была ключом в течение нескольких сотен лет; разрушены, сметены с лица земли старые медресе, дворцы, библиотеки, мечети, школы, театры; их литература, (вместе с писателями, носившими в сердцах и в умах своих дыхание народа), выживая в трудных условиях, вдали от родины, вся их культурная и общественная жизнь в Крыму начнут развиваться заново. Жизнь в Крыму для татар будет подобна жизни с умершей и воскресшей матерью. Крымская земля под их руками снова зазеленеет; на месте своих разрушенных домов они построят новые, откроются новые школы, театры, консерватории, библиотеки. Живя в Крыму, татары научатся делить его с другими. Это не ново для татар: они никогда не посягали на язык, веру и достоинство других. Теперь тоже не будут посягать. И когда они будут строить новую жизнь, им не следует лелеять в сердцах своих такие чувства, как ненависть, месть и злопамятность из-за того, что «они нас пятьдесят лет держали без Крыма»²¹.

Когда стали появляться в свет первые романы – «Они тоже были людьми», «Годы страха», «Человек, потерявший родину», пошли слухи, что Дженгиз Дагджи якобы враждебно настроен по отношению к русским. Автор категорически отменяет эти обвинения: «Никогда ни в одном своем романе я не выказывал вражды к русским. Наоборот, именно чувство близости к русскому народу открыло мне дорогу в литературу»²². Однако он четко определяет разницу между тем, что «показать в художественных произведениях истинное лицо империализма вовсе не значит проявлять вражду к русским; все, что я написал, следовало бы написать раньше меня и в более действенной, выразительной форме самим русским писателям... Но русские писатели XIX в., подражавшие западной литературе, этого не сделали. Считалось, что держать под гнетом нерусские народы – это естественное и священное право русских, данное им Богом. Самые страшные проявления этой идеологии во всей своей наготе предстали в период семидесятилетнего господства советской системы. Русские писатели, кроме нескольких групп диссидентов, сделали вид, что не заметили тотального выселения с родных мест крымских татар, чеченцев и других народов»²³.

Романы Дагджи написаны на современном турецком языке, что служит поводом для незаслуженных нападок по поводу отсутствия в нем патриотизма, отрыва от национально-культурных корней. По словам автора, начал он писать прозу, как и первые свои поэтические опыты, на крымскотатарском. В годы войны в виде заготовок на родном языке был написан роман «Korkunç yıllar»

¹⁷ Ankara: Ötügen, 1998.

¹⁸ Дж. Дагджи в воспоминаниях. Пер. Эмировой А. Из сб. Эмировой А. Крым – любовь и боль моя. Симферополь: Крымучпедгиз. – 2000. – С. 91.

¹⁹ Дж. Дагджи в воспоминаниях. Пер. Эмировой А. Из сб. Эмировой А. Крым – любовь и боль моя. Симферополь: Крымучпедгиз. – 2000. – С. 111.

²⁰ Там же.

²¹ Дж. Дагджи. Отражения – 2. Пер. Эмировой А. Из сб. Эмировой А. Крым – любовь и боль моя. Симферополь: Крымучпедгиз. – 2000. – С. 80.

²² Дж. Дагджи в воспоминаниях. Пер. Эмировой А. Из сб. Эмировой А. Крым – любовь и боль моя. Симферополь: Крымучпедгиз. – 2000. – С. 109.

²³ Там же.

(«Годы страха»)²⁴, переписанный затем им же самим по–турецки. «В этом нет ничего странного, объясняет он. – Если бы я продолжал писать по–татарски, кто бы напечатал мои произведения и кто бы (сколько человек) их прочитал? Основной причиной тому было желание найти отклик не только в узкой среде, в которой использовался крымскотатарский язык, а в более широкой читательской массе. И хотя все мои романы написаны на турецком языке, я старался во всех них сохранить крымскую и крымскотатарскую атмосферу. И если здесь я достиг каких–то успехов, то обязан этим красоте родной мне южнобережной речи. Все мои произведения написаны по–турецки. Однако всего себя я отдал Крыму»²⁵.

Возможно, многим покажется, что писатель носит в себе тяжелый груз прошлого. Но для него это жизненно необходимо. Гурзуф и Кызылташ стали художественным пространством его романов. «Гурзуф дарил счастье, которое было обещано им мне еще в детстве. С любовью ко мне Гурзуфа я никогда не буду несчастным, даже в самые мрачные дни моей последующей жизни...»²⁶.

Для нас подобное признание писателя не кажется надуманным и неправдоподобным, более того, этим утверждением он высказал то, что всегда хранилось невысказанным в душе у каждого крымского татарина: «У нас нет возможности жить без Гурзуфа и Кызылташа. Это я понял уже в очень раннем детстве. Мы были естеством Гурзуфа и Кызылташа: их цветами и травами, ветвями и листьями, воздухом и водой; получая пищу из их земли, мы продлевали свое существование. Без Гурзуфа и Кызылташа мы бы ослабели и увяли, а потом – и полностью высохли бы»²⁷.

«Если бы я не был гурзуфцем, я все равно жил бы; видел бы происходящее на свете; в других условиях и других местах я стал бы другим; и женился бы, и жена нарожала бы мне детей. Это тоже стало бы какой–то жизнью.

Но я был гурзуфцем.

У гурзуфца не было иной возможности жить, кроме той, что дал ему Тенгри»²⁸

Выводы. Рассмотрев обзорно немногочисленный материал, располагаемый нами в настоящее время, все же возможно сделать некоторые выводы относительно общих черт творчества Дж. Дагджи. Его романы охватывают временной отрезок XX столетия, его литературные герои настолько близки духовному настрою самого писателя, что зачастую могут быть восприняты как автобиографические. Но самое главное – тема почти всех его произведений – Крым, то, как крымские татары не могут существовать без Крыма, так и Крым не может быть без крымских татар.

Творчество писателя представляет собой уникальное явление, сформировавшееся на художественном перекрестье Восток – Запад. Как писатель вырос на традициях классической крымскотатарской, турецкой и русской литератур. В то же время на его творчество заметное влияние оказал и европейский художественный контекст XX века, о чем свидетельствуют отсылки к творчеству европейских писателей – Рильке, Кафка, Грехем Грин, Генри Миллер, Оруэлл, Стридберг и др.

Творчество Дж. Дагджи представляет собой культурное наследие крымских татар, но и является общекрымским, общеукраинским достоянием. Его романы нуждаются в переводе на доступные современному читателю языки и в их научном осмыслении.

Источники и литература

1. Дж. Дагджи в воспоминаниях. Пер. эмировой А. Из сб. Эмировой А. Крым – любовь и боль моя. Симферополь: Крымучпедгиз. – 2000. – С. 124.
2. Ankara: Ötüken; 1998,
3. Korkunç yıllar. İstanbul Varlık. 1956.
4. Дагджи Дженгиз. Севдигим Ялта // Эдебият ве культура. – Симферополь, 1939.– № 12.–С.26.
5. Кандым Ю. Хатырларда Дженгъыз Дагджи.– Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. – С. 70–76
6. Кандым Ю. «Къырымны ичимде ташыйым» [«Крым ношу в себе...»] // Ыылдыз.– 1992. – № 5–6. С. 3–8.
7. Ercilasun A. Bican, Cendiz Dağcı ve ya bir kırımının dramı [Дженгиз Дагджи, или драма одного крымца] // Emel. – 1988.– №168.– С. 21–25.
8. İ. Kocakaplan. Cendiz Dağcı'nın Dört Romanı [«Четыре романа Дженгиза Дагджи»] – İstanbul [Станбул]: 1992.–172с.

²⁴ Korkunç yıllar. İstanbul: Varlık. 1956

²⁵ Дж. Дагджи в воспоминаниях. Пер. Эмировой А. Из сб. Эмировой А. Крым – любовь и боль моя. Симферополь: Крымучпедгиз. – 2000. – С. 154.

²⁶ Дж. Дагджи в воспоминаниях. Пер. Эмировой А. Из сб. Эмировой А. Крым – любовь и боль моя. Симферополь: Крымучпедгиз. – 2000. – С. 132.

²⁷ Там же

²⁸ Там же. С 95